

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Один из самых известных немецких философов, историков и политических деятелей

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ,
ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
И ГОСУДАРСТВА**

Москва
2022

Предисловие к первому, 1884 года, изданию

Нижеследующие главы представляют собой в известной мере выполнение завещания. Не кто иной, как Карл Маркс, собирался изложить результаты исследований Моргана в связи с данными своего — в известных пределах я могу сказать нашего — материалистического изучения истории и только таким образом выяснить все их значение. Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад, и, руководствуясь им, пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс. И подобно тому, как присяжные экономисты Германии годами столь же усердно списывали «Капитал», сколь упорно замалчивали его, точно так же и представители «доисторической» науки в Англии поступали с «Древним обществом» Моргана¹. Моя работа может лишь в слабой степени заменить то, что уж не суждено было выполнить моему покойному другу. Но в моем распоряжении имеются среди его подробных выписок из Моргана² критические замечания, которые я, в той мере, в какой это относится к теме, воспроизвожу здесь.

Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи. Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей. Между тем в рамках этой, основанной на родовых связях структуры общества все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с ней — частная собственность и обмен, имущественные различия, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий: новые социальные элементы, которые в течение поколений стараются приспособить старый общественный строй к новым условиям, пока наконец несовместимость того и другого не приводит к полному перевороту. Старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место заступает новое общество, организованное

в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения, — общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне свободно развертываются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей писаной истории вплоть до нашего времени.

Великая заслуга Моргана состоит в том, что он открыл и восстановил в главных чертах эту доисторическую основу нашей писаной истории и в родовых связях североамериканских индейцев нашел ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории. Его сочинение — труд не одного дня. Около сорока лет работал он над своим материалом, пока не овладел им вполне. Но зато и книга его — одно из немногих произведений нашего времени, составляющих эпоху.

В нижеследующем изложении читатель в общем и целом легко отличит, что принадлежит Моргану и что добавил я. В исторических разделах о Греции и Риме я не ограничился данными Моргана и добавил то, что находилось в моем распоряжении. Разделы о кельтах и германцах в основном принадлежат мне; Морган располагал тут материалами почти только из вторых рук, а о германцах — кроме Тацита — лишь низкопробными либеральными фальсификациями г-на Фирмана. Экономические обоснования, которые были достаточны для целей, поставленных Морганом, но для моих целей совершенно недостаточны, все

заново переработаны мной. Наконец, само собой разумеется, я отвечаю за все те выводы, которые сделаны без прямых ссылок на Моргана.

Написано около 26 мая 1884 г.

Напечатано в книге: F. Engels. «Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats». Hottingen Zurich, 1884.

Предисловие к четвертому немецкому, 1891 года, изданию

*К истории первобытной семьи
(Бахофен, Макленнан, Морган)*

Предыдущие издания этой книги, выходявшие большими тиражами, целиком разошлись почти полгода тому назад, и издатель³ давно уже просил меня подготовить новое. Более неотложные работы до сих пор мешали мне это сделать. Со времени выхода в свет первого издания прошло семь лет, и за эти годы в изучении первобытных форм семьи достигнуты большие успехи. Поэтому необходимо было сделать здесь тщательные исправления и дополнения, тем более что предполагаемое печатание настоящего текста со стереотипа лишит меня на некоторое время возможности вносить дальнейшие изменения⁴.

Итак, я внимательно пересмотрел весь текст и сделал ряд добавлений, в которых, надеюсь, в достаточной мере учтено нынешнее состояние науки. Далее я даю ниже в этом предисловии краткий обзор развития взглядов на историю семьи от Бахофена до Моргана; я делаю это главным образом потому, что шовинистически настроенная английская школа первобытной истории по-прежнему делает все возможное, чтобы замолчать переворот во взглядах на первобытную историю, произведенный открытиями Моргана, несколько

не стесняясь, однако, при этом присваивать себе полученные Морганом результаты. Да и в других странах кое-где слишком усердно следуют этому английскому примеру.

Моя работа была переведена на различные иностранные языки. Прежде всего на итальянский: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в просмотренном автором переводе Паскуале Мартиньетти, Беневенто, 1885 г. Затем на румынский: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», перевод Иона Надежде; опубликовано в яском журнале *Contemporanul* с сентября 1885-го по май 1886 г. Далее — на датский: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», издание, подготовленное Герсоном Триром. Копенгаген, 1888 г.; французский перевод Анри Раве, сделанный с настоящего немецкого издания, находится в печати.

* * *

До начала шестидесятых годов об истории семьи не могло быть и речи. Историческая наука в этой области целиком еще находилась под влиянием Пятикнижия Моисея. Патриархальную форму семьи, изображенную там подробнее, чем где бы то ни было, не только безоговорочно считали самой древней формой, но и отождествляли — за исключением многоженства — с современной буржуазной семьей, так что семья, собственно говоря, вообще не переживала якобы никакого исторического развития; самое большее допускалось,

что в первобытные времена мог существовать период неупорядоченных половых отношений. Правда, кроме единобрачия было известно еще восточное многоженство и индийско-тибетское многомужество; но эти три формы нельзя было расположить в исторической последовательности, и они фигурировали рядом друг с другом без всякой взаимной связи. Что у отдельных народов Древнего мира, как и у некоторых еще существующих дикарей, происхождение считалось не по отцу, а по матери, так что женская линия признавалась единственно имеющей значение; что у многих современных народов воспещаются браки внутри определенных, более или менее крупных групп, в то время еще обстоятельно не исследованных, и что этот обычай встречается во всех частях света, — эти факты были, правда, известны, и такого рода примеров накапливалось все больше. Но как к ним подойти, никто не знал, и даже еще в «Исследованиях первобытной истории человечества и т. д.» Э. Б. Тэйлора (1865) они фигурируют просто как «странные обычаи» наряду с действующим у некоторых дикарей запрещением прикасаться к горящему дереву железным орудием и тому подобными религиозными пустяками.

Изучение истории семьи начинается с 1861 г., когда вышла в свет работа Бахофена «Материнское право». Автор выдвинул в этой работе следующие положения: 1) у людей первоначально существовали ничем не ограниченные половые отношения, которые он обозначает неудачным

выражением «гетеризм»; 2) такие отношения исключают всякую возможность достоверно установить отца, и поэтому происхождение можно было определять лишь по женской линии — согласно материнскому праву, — как первоначально это и было у всех народов древности; 3) вследствие этого женщины как матери, как единственные достоверно известные родители молодого поколения пользовались высокой степенью уважения и почета, доходившей, по мнению Бахофена, до полного господства женщин (гинекократии); 4) переход к единобрачию, при котором женщина принадлежала исключительно одному мужчине, таил в себе нарушение древнейшей религиозной заповеди (то есть фактически нарушение исконого права остальных мужчин на эту женщину), нарушение, которое требовало искупления или допускалось при условии выкупа, состоявшего в том, что женщина в течение определенного времени должна была отдаваться посторонним.

Доказательства этих положений Бахофен находит в многочисленных, с исключительной тщательностью собранных цитатах из классической литературы древности. Развитие от «гетеризма» к моногамии и от материнского права к отцовскому происходит, по его мнению, — в частности у греков, — вследствие дальнейшего развития религиозных представлений, вследствие водворения новых божеств, представителей новых воззрений, в традиционную группу богов, олицетворявшую старые взгляды, так что последние все более и более оттесняются на задний план

первыми. Таким образом, не развитие действительных условий жизни людей, а религиозное отражение этих условий в головах тех же людей вызвало, по Бахофену, исторические изменения во взаимном общественном положении мужчины и женщины. В соответствии с этим Бахофен толкует «Орестею» Эсхила как драматическое изображение борьбы между гибнущим материнским правом и возникающим в героическую эпоху и побеждающим отцовским правом. Ради своего любовника, Эгиста, Клитемнестра убила своего супруга Агамемнона, вернувшегося с Троянской войны; но Орест, сын ее и Агамемнона, мстит за убийство отца, убивая свою мать. За это его преследуют Эринии, демонические охранительницы материнского права, по которому убийство матери — тягчайшее, ничем не искупимое преступление. Но Аполлон, который через своего оракула побудил Ореста совершить это дело, и Афина, которую призывают в качестве судьи, — оба божества, представляющие здесь новый порядок, основанный на отцовском праве, — защищают Ореста; Афина выслушивает обе стороны. Весь предмет спора сжато выражен в дебатах, происходящих между Орестом и Эриниями. Орест ссылается на то, что Клитемнестра совершила двойное злодеяние, убив своего супруга и вместе с тем его отца. Почему же Эринии преследуют его, а не преследовали ее, гораздо более виновную? Ответ поразителен:

«С мужем, ею убитым, она в кровном родстве не была»⁵.

Убийство человека, не состоящего в кровном родстве, даже когда он муж убившей его женщины, может быть искуплено, Эриний оно нисколько не касается; их дело — преследовать убийство лишь среди родственников по крови, и тут, согласно материнскому праву, тягчайшим и ничем не искупимым является убийство матери. Но вот в роли защитника Ореста выступает Аполлон; Афина ставит вопрос на голосование членов ареопага — афинских присяжных; голоса делятся поровну — за оправдание и за осуждение; тогда Афина как председательница подает свой голос за Ореста и объявляет его оправданным. Отцовское право одержало победу над материнским, «боги младшего поколения», как называют их сами Эринии, побеждают Эриний, и в конце концов последние тоже соглашаются взять на себя новые обязанности, перейдя на службу новому порядку.

Это новое, но совершенно правильное толкование «Орестей» представляет собой одно из прекраснейших и лучших мест во всей книге Бахофена, но оно в то же время доказывает, что Бахофен по меньшей мере так же верит в Эриний, Аполлона и Афину, как в свое время Эсхил; а именно — он верит, что они в греческую героическую эпоху совершили чудо: ниспровергли материнское право, заменив его отцовским. Ясно, что подобное воззрение, по которому религия имеет значение решающего рычага мировой истории, сводится в конечном счете к чистейшему мистицизму. Поэтому проштудировать книгу Ба-

хофена — толстый том большого формата — работа трудная и далеко не всегда благодарная. Но все это не умаляет его заслуги как исследователя, проложившего новый путь; он первый вместо фраз о неведомом первобытном состоянии с неупорядоченными половыми отношениями представил доказательство наличия в классической литературе древности множества подтверждений того, что у греков и у азиатских народов действительно существовало до единобрачия такое состояние, когда, нисколько не нарушая обычая, не только мужчина вступал в половые отношения с несколькими женщинами, но и женщина — с несколькими мужчинами; он доказал, что при своем исчезновении обычай этот оставил после себя след в виде необходимости для женщины выкупать право на единобрачие ценой ограниченной определенными рамками обязанности отдаваться посторонним мужчинам; что поэтому происхождение могло первоначально считаться только по женской линии — от матери к матери; что это исключительное значение женской линии долго сохранялось еще и в период единобрачия, когда отцовство сделалось достоверным или, во всяком случае, стало признаваться; что наконец это первоначальное положение матерей, как единственных достоверных родителей своих детей, обеспечивало им, а вместе с тем и женщинам вообще, такое высокое общественное положение, какого они с тех пор уже никогда не занимали. Бахофен, правда, не сформулировал этих положений с такой ясностью, — этому помешало его мистическое

мировоззрение. Но он их доказал, и это в 1861 г. означало целую революцию.

Толстый том Бахофена был написан по-немецки, то есть на языке нации, которая в то время менее всего интересовалась предысторией современной семьи. Поэтому книга осталась неизвестной. Ближайший преемник Бахофена на том же поприще, выступивший в 1865 г., даже не слышал о нем.

Этим преемником был Дж. Ф. Мак-Леннан, прямая противоположность своему предшественнику. Вместо гениального мистика тут перед нами сухой юрист; вместо буйной поэтической фантазии — тщательно взвешенные построения выступающего в суде адвоката. Мак-Леннан находит у многих диких, варварских и даже цивилизованных народов древнего и нового времени такую форму заключения брака, при которой жених, один или со своими друзьями, должен как бы насильственно похитить невесту у ее родных. Этот обычай является, по-видимому, пережитком более раннего обычая, когда мужчины одного племени действительно насильно похищали себе жен на стороне, у других племен. Как же возник этот «брак-похищение»? Пока мужчины могли находить достаточно жен в своем собственном племени, для такого брака не было никакого повода. Но столь же часто мы находим, что у неразвитых народов существуют известные группы (в 1865 г. их еще часто отождествляли с самими племенами), внутри которых брак запрещен, так что мужчины вынуждены брать себе жен, а женщины мужей —

вне этой группы; между тем у других существует обычай, требующий, чтобы мужчины, принадлежащие к определенной группе, брали себе жен только внутри своей собственной группы. Мак-Леннан называет первые группы экзогамными, вторые — эндогамными и тут же, без дальнейших околичностей, конструирует резкую противоположность между экзогамными и эндогамными «племенами». И хотя его же собственное исследование экзогамии прямо-таки носом наталкивает его на тот факт, что эта противоположность во многих случаях, если не в большинстве или даже во всех, существует лишь в его воображении, он все же кладет ее в основу всей своей теории. Экзогамные племена могут, согласно этому, брать для себя жен только из других племен, а это при свойственном периоду дикости непрерывном состоянии войны между племенами можно сделать лишь путем похищения.

Мак-Леннан спрашивает далее: откуда произошел этот обычай экзогамии? Представления о кровном родстве и кровосмешении не имеют к этому никакого отношения: это явления, которые развиваются лишь значительно позже. Другое дело — широко распространенный среди дикарей обычай убивать детей женского пола тотчас же после рождения. Благодаря этому в каждом отдельном племени возникает избыток мужчин, ближайшим следствием которого неизбежно должно было явиться совместное обладание несколькими мужчинами одной женой — многомужество. Отсюда, по его мнению, следует, что известно было,

кто мать ребенка, но не известно, кто его отец, и поэтому счет родства велся лишь по женской линии, а не по мужской. Это было материнское право. Вторым же следствием недостатка женщин внутри племени — недостатка, ослабляемого, но не устранимого многомужеством, — именно и был систематический насильственный увод женщин чужих племен.

«Так как экзогамия и многомужество возникают вследствие одной и той же причины — численного неравенства обоих полов, — то мы должны признать, что у всех экзогамных рас первоначально существовало многомужество... И поэтому мы должны считать бесспорным, что среди экзогамных рас первой системой родства была та, которая знала кровные узы лишь с материнской стороны» (Мак-Леннан «Очерки по древней истории», 1886, «Первобытный брак», с. 124).

Заслуга Мак-Леннана состоит в том, что он указал на повсеместное распространение и большое значение того, что он называет экзогамией. Он вовсе не открыл факт существования экзогамных групп и, во всяком случае, не понял его. Не говоря уже о более ранних отдельных указаниях многих наблюдателей, — они-то и были источниками Мак-Леннана, — Лейтам («Описательная этнология», 1859) точно и верно описал этот институт у индийских магаров и высказал мнение, что он общераспространен и встречается во всех частях света, — это место цитирует сам Мак-Леннан. Да и наш Морган еще в 1847 г. в своих письмах об ирокезах (опубликованных в *American Review*)